

Но, с другой стороны, международная сфера может стать надежным фактором внутренней безопасности государства. Компьютеризация и информационная революция открыли путь для научно-технической революции в военном деле. Внедрение новых технологий существенно изменило характер и возможности обычного оружия, системы разведки и управления военными действиями, привело к созданию высокоточного оружия, расширило возможности военных действий на расстоянии и др. Все больше становится разрыв между передовыми в технологическом плане странами и остальным миром. Такое положение дел объективно стимулирует отсталые в научно-технологическом отношении страны присоединяться к коалициям высокоразвитых стран [1, с. 162–163].

Таким образом, можно делать вывод, беря во внимание все выше перечисленные тенденции современного политического пространства, от которых непосредственно зависит уровень обеспечения политической безопасности государства, что главными из них являются внешние и внутренние факторы угроз политической безопасности, развитие информационно-коммуникативных технологий, а также гибридные войны и финансовые интервенции.

Источники и литература:

1. Артюшин, Л.М. Теоретичні аспекти стратегій воєнної безпеки суспільства і держави : монографія / Л.М. Артюшин, Г.Ф. Костенко. – Х. : Нац. ун-т внутр. справ, 2003. – 176 с.
2. Zieba, R. Instytucjonalizacja bezpieczeństwa europejskiego / R. Zieba. – Warszawa : SCHOLAR, 2004. – 461 s.
3. Fehler, W. O pojeciu bezpieczeństwa państwa / W. Fehler // Bezpieczeństwo państw i narodyw w procesie integracji europejskiej / pod red. W. Smialka, J. Tyma nowskiego. – Torun : Wydawnictwo Adam Marszałek, 2002. – S. 160–219.

ОЦЕНКА ЗАПАДНЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ КОНЦЕПТА «МЯГКОЙ СИЛЫ» ДЖОЗЕФА НАЯ

Е.А. Игонина, И.А. Коробкина (Ставрополь)

Впервые научное обоснование концепции «мягкой силы» дал американский политолог Дж. Най. В 1990 г. в журнале «Foreign Policy» он опубликовал статью под названием «Soft power» [10], в которой рассуждал об изменившемся миропорядке после окончания «холодной войны». Он писал, что воздействовать силой можно через привлекательность между рассматриваемыми субъектом и объектом применения «мягкой силы».

Традиционно в основе «мягкой силы» лежат, в первую очередь, культура, идеи, символы, мифы и ценности. Государство, использующее «мягкую силу», популяризирует (а порой и насаждает) определенные

стандарты, институты, правила поведения и нормы, которыми должны руководствоваться в своей внешней и внутренней политике иные акторы [1]. Таким образом, в отличие от «жесткой силы», которая предполагает использование механизмов принуждения, «мягкая сила» основывается на способности государства сформировать новые тенденции в международных отношениях, основанные на его идеях.

Дж. Най утверждает, что в качестве ресурсов «мягкой силы» в мировой политике выступает все то, что «вдохновляет и привлекает» к источнику соответствующего воздействия, позволяя тому, кто его контролирует, добиваться желаемого результата. Он рассматривает «мягкую силу» в качестве косвенного способа осуществления власти [11, р. 74].

Годфри Ходжсон – известный британский политолог и журналист писал: «Идея о том, что любовь иностранцев к МакДональдсу или баскетболу выгодна США, нуждается в серьезной доработке» [7, р. 999–1000]. Другой известный автор – Найл Фергюсон полагал: «Проблема с «мягкой силой» заключается именно в том, что она «мягкая», и утверждал, что тот факт, что дети в исламских государствах любят Кока-Колу и БигМаки не влечет за собой автоматически любви к Соединенным Штатам» [5, р. 18–22, 24]. Близкой точки зрения придерживался и С. Хантингтон, который считал: «Существует мало свидетельств (или их не существует вовсе) того, что появление всеобъемлющей глобальной связи приводит к значительному сближению точек зрения и убеждений» [8, р. 368].

Среди западных исследователей представлены соотечественники Джозефа Ная, так как это концепция разрабатывалась под современную (на тот момент) ситуацию в мире, когда нужно было решать: какую внешнюю политику проводить США для смягчения международной напряженности, а в последствии и после распада биполярного мира.

Дэвид Болдуин отмечал, что способность влиять на предпочтения других людей, как правило, связана с нематериальными энергетическими ресурсами, такими как культура, идеология и институт. Этим и отличается мягкая сила от жесткой командной, обычно связанная с материальными ресурсами, такими как военная и экономическая сила [3, р. 44].

Позднее Дж. Най [12, р. 158] предложил более длинное, более формальное определение концепции «мягкая сила» – это способность воздействовать на других с помощью совместных средств разработки повестки дня, убеждения и выявление положительного влечения для получения предпочтительных результатов.

Д. Болдуин критикует Ная за то, что тот иногда называет себя «придумавшим термин «мягкая сила», а в других случаях вообще утверждает, что ввел эту концепцию». Хотя, понятное дело, что верен именно первый вариант. Есть разница между придумыванием фразы и придумыванием концепции. Концепция влияния на кого-либо путем формирования

предпочтений этого человека – получения от него желания хотеть того, что вы хотите – имеет намного более глубокие исторические корни [3, р. 48].

Так, американский политолог У. Мид считает, что предложенная концепция не совсем полная. По его мнению, вместе с мягкой силой (ценностями, идеями, привычками и политикой, присущей системе), существует острая и липкая сила, которая поддерживает гегемонию США [9, р. 28].

Другой автор критикует Дж. Ная из-за присущих ограничений в концепции. Да, мягкая сила – это форма власти, но не ее инструмент, который можно использовать в определенных ситуациях или даже тот, который может быть осмысленно сформирован правительством. Мягкая сила существует, и на нее может влиять выбор правительства, но это скорее экзистенциальный фактор в политической среде, чем то, что лица, определяющие политику, могут использовать ее в своих интересах. «Привлекательность» нации для других не является фактором, который можно использовать каким-либо образом [4, р. 156].

Мягкая сила вносит важный вклад в способность нации достигать своих целей в мире. Но нецелесообразно считать, что профессор Най не согласится с тем, что у мягкой силы есть свои ограничения. Привлекательность США для других никогда не будет в основном формироваться правительством, и при этом она не может быть использована так как необходимо в экстренной ситуации. Мягкая сила также не будет доминирующим фактором в ситуациях, когда существуют реальные различия интересов и перспектив. В этих случаях более жесткие формы национальной мощи будут по-прежнему доминировать в выборе политики.

Д. Галларотти является сторонником мягкой силы, стремящийся определить некую золотую середину между мягкой и жесткой силой и тогда страны смогут реализовать свой потенциал полностью. Чтобы достичь наибольшего возможного влияния, нужно использовать методы оптимальной диверсификации ресурсов мягкой и жесткой энергии. Эта диверсификация всегда подтверждалась превосходными результатами, поэтому она всегда будет актуальна в наше время и в будущем [6, р. 81].

Критически отнесся к концепции Александр Вувинг. Он пишет, что Най сначала говорил о мягкой силе, как силе способной формировать желания и устанавливать повестку дня, хотя, в последствии, вторая способность «отошла на второй план» в последующих работах Ная [13, р. 199]. Также, он указывает, что Най не смог «провести различие между способами, в которых мягкая сила может взаимодействовать – выбирать, привлекать и заманивать тех, кто подвергается ей, либо между способами, которыми она может вызвать их согласие» [13, р. 199]. Короче говоря, он не проводит различий между способами убеждения или способами «формирования предпочтений».

Но Най использовал понятие силовой валюты, которое провело границу между различными способами формирования предпочтений.

Как утверждал Най, мягкая сила отличается от жесткой силы тем, что она «использует другой тип валюты (не сила и не деньги) для развития сотрудничества». Он определяет силу и угрозы как две силовые валюты, которые вызывают военную мощь, а платежи и санкции – как две силовые валюты, которые вызывают экономическую мощь. Валюта мягкой силы – культура, ценности, политика и институты, ну и, конечно же, привлекательность.

Хотя сам создатель концепции подчеркивает, что в принципе возможно использование военных или экономических санкций для поднятия потенциала «мягкой силы», но это не подразумевает то, что под «мягкой силой» может подразумеваться все, что угодно, а лишь свидетельствует о разнообразии ресурсов, которые могут применяться для поднятия потенциала «мягкой силы», что еще больше утяжеляет осмысление предложенной им концепции и ее использования на практике. Мнение многих критиков концепции выразил своей статье посвященной «мягкой силе» профессор университета Вирджинии (США) Brentli Уомак: «Если она включает все, начиная от Бритни Спирс и до общественного мнения в мире касательно оккупации Ирака, является ли эта концепция значимой и последовательной?» [14, р. 3].

На данный момент в современной науке, введенное понятие «мягкой силы» Джозефа Ная, обрело формат концепта. Это говорит об актуальности исследования, его структурированности, смысловой наполненности во всевозможном многообразии и различными интерпретациями. Концепт – сложно структурированная смысловая система, которая является итогом коллективного творчества и коллективным достоянием интеллектуальной жизни [2, с. 173–192].

В настоящее время все больше возникает актуальность «мягкой силы» для успешной конкуренции в мировой политике. Политики ряда крупнейших государств мира включают «мягкие» ресурсы и инструменты в национальные стратегии развития.

Таким образом, сменился ракурс международной политики: от принуждения он перешел к задаче поиска эффективных скрытых, мягких, неявных стратегий влияния. Благодаря этому концепт «мягкой силы» получил сегодня широкую популярность в дискурсе различных областей отечественной науки (политологии, истории, философии, связях с общественностью и рекламе, филологии) и публицистике.

Источники и литература:

1. Наумов, А.О. «Мягкая сила», «цветные революции» и технологии смены политических режимов в начале XXI века / А.О. Наумов. – М. : Аргамак-Медиа, 2016. – 274 с.
2. Русакова, О.Ф. Концепт «Мягкой» силы (soft power) в современной политической философии / О.Ф. Русакова // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. – 2010. – Вып. 10. – С. 173–192.
3. Baldwin, D.A. Power and International Relations: A Conceptual Approach / D.A. Baldwin. – Princeton : Princeton University Press, 2016. – 240 p.

4. Blehman, B.M. Reviewed Work: Soft Power: The Means to Success in World Politics by Joseph S. Nye / M.B. Blehman // Political Science Quarterly. – 2004/2005. – Winter. – Vol. 119, No. 4. – P. 680–681.
5. Ferguson, N. Power / N. Ferguson // Foreign Policy. – 2003. – № 134. – P. 18–24.
6. Gallarotti, G.M. Soft Power: What it is, Why it's Important, and the Conditions Under Which it Can Be Effectively Used. Division II Faculty Publications [Electronic resource] / G.M. Gallarotti. – 2011. – Mode of access: <https://wescholar.wesleyan.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1056&context=div2facpubs>. – Date of access: 16.04.2020.
7. Hodgson, G. Politics, democracy and social affairs. Book review / G. Hodgson // International Affairs. – 2004. – Vol. 80, № 5. – P. 999–1000.
8. Huntington, S. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order / S. Huntington. – New York : Simon and Schuster. 2007. – 368 p.
9. Mead, W.R. America's Sticky Power [Electronic resource] / W.R. Mead // Foreign Policy. – 2009. – October 29. – Mode of access: <https://foreignpolicy.com/2009/10/29/americas-sticky-power/>. – Date of access: 16.04.2020.
10. Nye, J. Soft Power / J. Nye // Foreign Policy. – 1990. – № 80. – P. 153–171.
11. Nye, J. Soft Power: The Means to Success in World Politics / J. Nye. – New York : Public Affairs, 2004. – 191 p
12. Nye, J. The Future of Power / J. Nye. – New York : Public Affairs, 2011. – 320 p.
13. Vuving, A.L. How soft power works / A.L. Vuving // American Political Science Association annual meeting. – Toronto, 2009. – September 3. – 20 p.
14. Womack, B. Dancing Alone: A Hard Look at Soft Power / B. Womack // The Asia-Pacific Journal. Japan Focus. – 2005. – Vol. 3, № 11. – Mode of access: <https://apjpf.org/-Brantly-Womack/1975/article.pdf>. – Date of access: 16.04.2020.

НЕЙТРАЛИТЕТ КАК ПРИНЦИП НЕВМЕШАТЕЛЬСТВА В МЕЖДУНАРОДНЫЕ ВООРУЖЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ

О.Д. Федяев, А.В. Урываев (Волгоград)

Война – господствующий способ разрешения существенных конфликтов, осуществляемыми крайними средствами – массовыми убийствами политических врагов.

История не один раз показывала нам, что для страны, ввязавшейся в войну, это оборачивается потерями как экономическими, так и наиболее ценными – людскими. На данный момент, назвать страну, которая не была задета какой-либо из мировых войн, по крайней мере, не просто. Одной из таких является Швейцария.

Для наилучшего понимания принципов и политики нейтралитета Швейцарии необходимо немного изучить историю этой страны. Несмотря на то, что сегодня слова «Швейцария» и «нейтралитет» почти синонимы, военная история этой страны богата на сражения. Швейцария была оплотом наемников, которых она поставляла странам Европы для решения конфликтов, как внутри государства, так и в крупных войнах.